

Исследуя историю российских государственных образований, Фёдор Синельников обращается к теме цикличности российских держав. Основываясь на нескольких наиболее наглядных и верифицируемых критериях (контролируемая территория, демографическое состояние, состояние вооруженных сил, идеологическое оформление власти, политическая элита и стиль её правления), автор пытается определить внутреннюю логику процессов развития и деградации держав. Заметные в 1612-13 гг., в Феврале 1917 г. и Августе 1991 г. проявления предельного ослабления российского государства получили разное разрешение. Если в первых двух случаях ослабевшая держава погибла, уступив место новой, то в 1991 г. гибели державы не произошло и её деградация продолжилась. Делая вывод, что в современном российском государстве находит своё выражение деградация Третьей державы, Фёдор Синельников указывает на неизбежность новой «Перестройки».

* * *

В первой четверти двадцатого века русская религиозная философия обогащается новым концептом – «метаистория». Не то чтобы он был нов в принципе – соответствующие этому слову прозрения и мысли, их выражающие, были и ранее свойственны этой традиции, – но это новое слово стало своего рода фокусом, сконцентрировавшим в себе и преломившем по-новому прежние историософские смыслы.

В России три мыслителя использовали это понятие. Это С. Булгаков, Н. Бердяев и Д. Андреев. Но **если для Булгакова и Бердяева метаистория – это реальность, возвышающаяся над историей, то для Андреева метаистория пребывает за историей и включает в себя не только восходящий, но и нисходящий мир.** Эта нематериальная реальность неразрывно связана с плотью земной истории и с ее смыслом, постичь который и пытался Андреев. В своих произведениях он предстает перед нами как бы в двух качествах – как духовидец и как мыслитель-историософ. На пересечении этих линий и возникает его метаистория – уже как учение о ходе и смысле исторического процесса, его движущих силах и грядущих итогах.

Значительное место в метаистории Андреева занимает более узкая тема – метаистория великодержавия, и в частности, великодержавия российского. В этой работе мы попытаемся взглянуть на историю российской государственности через андреевский миф. Наш подход в известной степени коррелируется с методологиями М. Вебера, оперировавшего концептом «идеальных типов», и К.-Г. Юнга, предложившего идею архетипов. При осмыслении истории андреевский миф может приниматься подобно тому, как в современной математике для решения сверхсложных уравнений используется «дополнительный аргумент», а в физике – идея кварков, которые остаются ненаблюдаемыми. Иначе говоря, вне зависимости от того, как мы воспринимаем метаисторические образы Андреева, его взгляд на историю позволяет нам увидеть в ней новые смыслы и выявлять некоторые закономерности в ее развитии.

В своих произведениях Андреев говорил об уицраорах – могущественных существах, обитающих в ином временно-пространственном мире и связанных с соответствующими государственными образованиями в истории. В нашем исследовании каждая из российских государственных систем, инспирируемых, согласно Андрееву, таким существом, будет именоваться «державой». Таким образом, мы будем использовать в нашем тексте своего рода терминологические «фильтры», позволяющие, во-первых, сохранить корректное отношение к наследию Андреева, а во-вторых, облегчить для читателя переход от мира андреевской лексики к исторической и политологической конкретике. Череда держав, системная совокупность создаваемых ими политических инфраструктур и моделей и сам дух этого явления истории будут обозначены нами как «державный кластер».

«Держава» нашего текста не тождественна, с одной стороны, уицраорам Андреева, а с другой – историческому государству. Под «державой» мы понимаем реальность, которая представляет собой нечто большее, чем: 1) совокупность государственных институтов; 2) сообщество политически активных сторонников доминирующей государственной модели; 3) характер общественных и даже личных отношений; 4) эмоциональный настрой населения; 5) идеологические доктрины и стереотипы, используемые политической элитой для сохранения своего положения в государстве. Держава является интегральным стержнем всех этих компонентов, она предстает перед нами как корпоративная эмерджентная сущность. При этом жизнь связанных с державой государств и обществ не сводится к ее существованию.

В метаисторической панораме Андреева развитие держав подчиняется определенной и четкой последовательности. Жизненный цикл каждой державы можно сравнить с развитием однолетнего растения, которое за время своей жизни цветет только один раз (этот образ использовал Н. Данилевский по отношению к культурно-историческим типам). Мы полагаем, что этот алгоритм универсален, то есть применим к любым державам, существовавшим в истории. В данном исследовании мы ограничимся только Российской метакультурой[1] и попытаемся определить, какая по счету держава

существует в ней в настоящее время и в каком состоянии она находится.

Стадии и рубежи державной истории

В истории России можно выделить эпохи трех держав. **Первая держава в любой метакультуре возникает в результате ее защитной реакции на агрессию со стороны более мощного в военно-политическом отношении инометакультурного образования.**

В случае с Российской метакультурой такой агрессией стало монгольское нашествие.

Эпоха Первой державы длилась от Александра Невского до междуцарствия 1610–13 гг. Эпоха Второй связана с династией Романовых. Эпоха Третьей начинается в 1917–18 гг.

В истории каждой державы можно выделить несколько взаимно обусловленных рубежей и стадий. Рубежами в существовании держав являются их зарождение, утверждение, надрыв и гибель. Стадиями – протяженные во времени промежутки между этими рубежами. При этом на каждой стадии могут происходить колебания состояний, которые не ведут к необратимым качественным изменениям держав. Нахождение отличий таких колебаний от системных трансформаций, которые переживает держава, переходя с одной стадии на другую, является одной из ключевых задач нашего исследования.

Первый рубеж – это утверждение державы. С этого момента она становится силой, стремящейся воздействовать на все стороны жизни государства и общества. Для Первой державы условной датой утверждения (в ее случае – и возникновения) может считаться 1239 г., когда вскоре после разгрома монголами на реке Сити армии великого князя Юрия Всеволодовича и его гибели (март 1238 г.) началась самостоятельная военно-политическая карьера Александра Невского.

Утверждения Второй и Третьей держав происходили в результате их смен. Условной датой утверждения Второй державы может считаться избрание и венчание на царство Михаила Романова (февраль – июль 1613 г.). Для Третьей державы датой окончательного утверждения является казнь в Екатеринбурге Николая II и его семьи 17 июля 1918 г.

За утверждением державы следует стадия эскалации. Держава в этот период наращивает свое могущество, даже если ей приходится сталкиваться с тяжелыми испытаниями и поражениями. Ее внутренняя и внешняя мощь возрастает, территория расширяется, а население растет.

На стадии эскалации каждая держава совершает креативный рывок. В Первой это произошло при Иване III и особенно при Иване IV (примерно до 1560 г.). Во Второй – при Петре I. В Третьей – при Ленине. При всех этих правителях происходили кардинальные изменения в структуре управления, военной сфере и в идеологическом оформлении государства. Обращает на себя внимание тот факт, что в эпоху каждой новой державы этот поворот совершался все быстрее.

Итогом стадии эскалации становится достижение державой своего предельного могущества (апогея). В эпоху Первой державы максимальное территориальное расширение было достигнуто после покорения Поволжья (Казани и Астрахани) на востоке, а затем и захвата Полоцка в 1563 г. на западе. В эпоху Второй была одержана победа над Наполеоном, и русские войска вступили в Париж в 1814 г., в эпоху Третьей была сокрушена нацистская Германия, подчинена Восточная Европа, а на востоке была побеждена Япония.

Невозможность дальнейшего усиления державы в сочетании с ее попытками продолжать внешнюю экспансию и наращивать давление на общество и/или ее активное противостояние ценностям метакультуры вызывает перенапряжение державы, приводящее ее к очередному рубежу – надрыву. После этого держава переживает необратимую трансформацию. После надрыва может происходить ее частичная стабилизация, но возврат к прежнему «апогейному» состоянию невозможен.

Надрыв может быть процессом, имеющим протяженность во времени. Во внешней политике он связан с внешними поражениями. Надрыв Первой державы начался в 1579 г., когда войска Батория заняли Полоцк. Надрыв Второй – в 1854 г., когда в Крыму русские войска потерпели поражение при Альме, а флот без боя был затоплен в Севастопольской бухте. Начало надрыва Третьей державы условно может быть соотнесено с невозможностью продолжать экспансию, что продемонстрировали провал блокады Западного Берлина в 1948–49 гг. и война в Корее (1950–53 гг.). Завершение надрыва можно условно связать со смертью тех первых лиц государства, при которых держава достигла предельного могущества. Для Первой державы таким рубежом будет смерть Ивана Грозного (1584 г.), для Второй – Николая I (1855 г.), для Третьей – Сталина (1953 г.).

После надрыва держава переходит на новую стадию – деградацию. Для Первой державы это 1584–1610 гг., для Второй – 1855–1918 гг. Третья держава вступила в эту стадию в 1953 г.

Во внутренней политике деградация выражается, главным образом, в идеологическом застое, в следовании несостоятельной экономической модели, а во внешней – в неспособности реализовать амбициозные экспансионистские планы. Это не означает, что держава немедленно и резко ослабевает или на всей этой стадии находится в состоянии постоянного и очевидного кризиса. Она еще может довольно долгое время сохранять свою мощь. На этой стадии спады чередуются с относительными стабилизациями. Например, режимы Федора Иоанновича и Годунова (до 1600 г.), Александра II и Александра III, Хрущева и Брежнева внешне казались прочными.

Державы на этой стадии еще могут конкурировать со своими главными внешнеполитическими соперниками. Они еще способны переходить в наступление на соседей и брать реванши за былые поражения (Тявзинский мир, заключенный Годуновым со Швецией; победа в русско-турецкой войне 1877–78 гг.; достижение ядерного паритета с США при Брежневе). Более того, возможно даже некоторое расширение пределов государства или сферы его влияния (присоединение территорий Дальнего Востока и Средней Азии при Александре II и внешнеполитические успехи СССР в третьем мире при Брежневе). Но все это – только инерция былого могущества. После надрыва меняется характер державного бытия. Если до надрыва происходило постепенное, хотя и, возможно, прерывавшееся нарастание могущества, то после надрыва неизбежно будет следовать ослабление державы, которое мы и называем деградацией. Например, после смерти Сталина, несмотря на все вышеперечисленные успехи, Третья держава безвозвратно утратила былую пассионарность. Скорее она пыталась сохранить то, что имела, чем приобрести что-то новое. Попытки же приобретения часто заканчивались тяжелыми поражениями (самый яркий пример – Афганистан).

На этой стадии могут чередоваться ограниченные реформы и периодические реакции, попытки возврата к тем формам политического режима, которые имели место на стадии эскалации. Но в этот период любая активность державы, направленная на преодоление кризиса – как реформаторская, так и консервативная, – не снимает проблем, а только в лучшем (для державы) случае отодвигает их. Держава оказывается в положении, близком к тому, который в шахматах называется «цугцванг», когда каждый следующий ход ведет к общему стратегическому ухудшению положения. Реформы приводят к активизации противников режима и при этом не могут устранить коренных противоречий державы, а реакция, которая «подмораживает» общественные процессы, только подготавливает следующий социально-политический взрыв. Деградация является необратимым процессом и неизбежно заканчивается гибелью старой державы.

В России одним из основных признаков смены держав является резкость перехода от одного режима к другому, выражающаяся в колоссальных социально-политических сдвигах, сопровождающихся кровавой междоусобицей и иноземной интервенцией. Причем этот переход должен происходить после заметного ослабления политического режима деградирующей державы. Уничтожение старой державы сопровождается физической гибелью связанного с нею верховного политического лидера последнего периода ее существования. Эту гибель можно считать главным элементом кадровой трансформации, сопровождающей смену держав. Смене держав в 1613 г. предшествовала гибель в польском плену царя Василия Шуйского и его брата Дмитрия в сентябре 1612 г. Завершение процесса смены держав в июле 1918 г. сопровождалось убийством Николая II и его семьи в Екатеринбурге.

Для того чтобы рассмотреть состояние современной российской государственности, выделим несколько наиболее наглядных и верифицируемых критериев, позволяющих установить, имела ли место смена держав в России в конце XX века и на какой стадии находится ныне существующая держава. Это: 1) контролируемая государством территория; 2) демографическое состояние; 3) состояние вооруженных сил; 4) идеологическое оформление власти; 5) политическая элита и стиль ее правления.

Территория

В период смены держав Российское государство каждый раз утрачивало часть территорий. В начале XVII в. были потеряны Смоленск и Чернигов, балтийское побережье. В начале XX в. – утрачены Центральная Польша, Западная Белоруссия, Волынь, Прибалтика, Финляндия, Бессарабия.

Вскоре после завершения сопровождавших смену держав междоусобиц и войн с внешними врагами происходило постепенное расширение территории державного государства и сферы его влияния.

Первые московские князья действовали в раздробленной стране, разоряемой Ордой, но при этом территория Московского государства постоянно расширялась, а его могущество росло. Вторая держава утвердилась в стране, разоренной иноземными вторжениями и внутренней смутой. Но территориальные потери России, сопровождавшие смену держав в 1612–13 гг., были сравнительно невелики – именно благодаря тому, что на месте старой деградирующей державы утвердилась новая.

Поскольку Вторая держава унаследовала от своей предшественницы политическую инфраструктуру, процесс реинтеграции территорий в XVII в. прошел значительно быстрее, чем интеграция в XIII–XIV вв. В 1634 г. начался возврат западных земель. В 1654 г. под контроль Москвы вернулся Смоленск и была захвачена Левобережная Украина.

Утверждение Третьей державы сопровождалось разрушительной и кровопролитной гражданской войной, интервенцией, голодом и эпидемиями, экономика была почти полностью разрушена. Но в результате событий 1917–21 гг. находившаяся на стадии эскалации Третья держава не потеряла контроля над русскими этническими территориями и вскоре смогла создать новую военно-политическую структуру еще быстрее, чем Вторая в XVII в. Более того, уже в 1939 г. – всего через 21 год после утверждения державы – начинается ее военная экспансия на Запад, завершившаяся захватом в 1945 г. почти всей Центральной Европы.

Итак, мы можем выделить один из признаков стадии эскалации – держава не переживает утраты подконтрольных ей значительных территорий. Более того, Вторая и Третья державы после того, как их положение стабилизировалось, сразу же начинали готовиться к броску на соседей, к возврату утраченных и захвату новых земель.

Что же мы наблюдаем в конце XX века? **Россия не становилась объектом иностранной интервенции, гражданская война не разразилась, но размеры территориальных утрат российской государственности поражают.**

После августа – декабря 1991 г. в результате соглашений, упразднивших СССР, за пределами России осталось 50 % населения и 25 % территории бывшего Советского

Союза. Численность этнических русских на этих территориях в 1991 г. превышала 25 млн человек.

Можно ли говорить о том, что на постсоветском политическом пространстве после 1991 г. наблюдается возрождение державной государственности, аналогичное тому, которое происходило при Михаиле Романове и после завершения гражданской войны в 1921 г.?

СНГ, находящееся в сфере российского влияния, существенно отличается от СССР: если в Советском Союзе в период эскалации Третьей державы нарастали центростремительные тенденции, то в Содружестве в 1992–2010 гг. российское влияние неуклонно сокращается.

В последнее десятилетие центробежные процессы проявились в «цветных» революциях в Грузии (2003 г.) и на Украине (2004 г.). Показательно, что в этих странах не только рухнули или пошатнулись коррумпированные режимы имитационной демократии, но и уменьшилось российское влияние на них. СНГ превращается из инструмента, которым пользовалась держава для сохранения своего контроля над постсоветскими республиками, в клуб национальных государств, находящихся в процессе более-менее цивилизованного развода (о чем был вынужден заявить Путин в октябре 2006 г.).

После прямого российско-грузинского военного конфликта в августе 2008 г. стало более выраженным российское присутствие в Абхазии и Южной Осетии. Однако это не

является показателем расширения внешней экспансии державы. Эти регионы входили в зону военно-политического влияния России и до конфликта. Более существенно то, что в августе 2008 г. дистанцирование Грузии от РФ приобрело новое качество – это государство вышло из состава СНГ.

Проблемы державы связаны не только с сокращением влияния России в СНГ, но и с постепенным ослаблением связи автономных национальных республик с Центром. РФ представляет собой структуру, напоминающую СССР, и сохраняет административно-политическое деление советской эпохи. Российская Федерация – это национальное государство, в которое входят еще двадцать национальных республик, имеющих почти все государственные атрибуты и институции.

Самым ярким примером является положение в Чечне. Российское руководство с начала чеченского кризиса оказалось неспособно его разрешить. Начало военных действий в декабре 1994 г. продемонстрировало некомпетентность российского политического руководства и военного командования. Первая чеченская война унесла десятки тысяч жизней и закончилась унижительным для державы Хасавюртовским миром. Начавшееся в 1999 г. новое «замирение» Чечни привело к установлению в этой республике диктатуры клана Кадыровых. Более того, РФ фактически стала данником нового чеченского режима, лояльность которого пока обеспечивается массированными финансовыми вливаниями из федерального центра.

Особой проблемой РФ является уменьшение численности русского населения в национальных республиках. В Чечне и Ингушетии за 16 лет русское население почти полностью исчезло (в 1989 г. треть населения Чечни составляли русские). Конечно,

Чечня и Ингушетия – это особые случаи. Однако процессы уменьшения русского населения протекают в большинстве национальных республик РФ. Например, в Татарии доля татарского населения с 1989 по 2002 г. преодолела пятидесятипроцентный рубеж (согласно официальным данным, признанным Москвой). В Якутии в 1989 г. представители титульной нации составляли только треть населения, а в 2002 г. – уже более 46 %. В органах власти практически всех национальных республик доля этнических русских меньше, чем их доли в численности населения этих республик. Уменьшение доли русских (представляющих собой силу, привязывающую автономии к РФ) предопределяет постепенный дрейф национальных республик от Центра и, в конечном счете, их отделение.

Демография

Демографическое благополучие является одним из ключевых проявлений сильной державы. Новые поколения, идущие на смену старым, обеспечивают эскалирующей державе динамизм, их ресурсы могут быть направлены ею на расширение своей экспансии – политической, идеологической, экономической и военной.

В прошлом смены держав сопровождались в России катастрофической убылью населения, но вскоре после этого начинался его устойчивый рост. Если в середине XVI в. в России проживало около 9–10 млн чел., то к 1620 г. ее население сократилось до 3,5 млн[2], но уже в 1719 г. составило 15,6 млн чел. [3]

Демографической катастрофой сопровождалась смена держав в начале XX века. Однако уже в 1922 г. начинается стабилизация положения. За четыре года (1922–26 гг.) население СССР стремительно увеличивалось и, согласно переписи 1926 г., превысило 147 млн. Это примерно столько же, сколько жило на этих территориях в 1917 г. Впоследствии, несмотря на колоссальные потери в ходе коллективизации и войны 1941–1945 гг., численность населения СССР на стадии эскалации Третьей державы довольно быстро восстанавливалась. Коэффициент суммарной рождаемости (фертильности) в СССР в период правления Сталина опускался ниже уровня простого воспроизводства населения только в 1944–45 гг.

Вскоре после того, как Третья держава перешла на стадию деградации (1953 г.), демографические показатели в СССР заметно ухудшились. В середине 1960-х гг. в РСФСР (основной республике СССР) коэффициент суммарной рождаемости опустился ниже уровня простого воспроизводства.

Тенденции, наметившиеся в демографии России в 1960–80-е гг., после 1991 г. только усилились. За 1992–2010 гг., по официальным данным, естественная убыль населения составила около 12,9 млн чел. Латентная депопуляция, в которой находилась Россия с середины 1960-х (за исключением короткого промежутка 1986–88 гг.), сменилась явной.

Сокращение российского (и прежде всего русского) населения и бесконтрольность миграционных процессов, неспособность государства обеспечить адаптацию прибывающего в Россию населения наглядно демонстрируют, что политическое руководство РФ оказалось некомпетентным или незаинтересованным в решении демографической проблемы, в обеспечении безопасности собственного государства.

Деградация державы и естественное сокращение численности населения связанного с ней государства – пересекающиеся, но не совпадающие процессы. Деградация державы может сопровождаться депопуляцией, но может протекать и без нее (Россия конца XIX в. и позднесоветского периода). Но держава не может находиться в состоянии эскалации, если в связанном с ней государстве на протяжении двух мирных десятилетий происходит явная депопуляция. **Достижение державным государством уровня простого воспроизводства населения – это необходимое условие сохранения державой состояния эскалации.**

Латентная депопуляция в государстве, связанном с державой, является признаком ее деградации.

В России с 1992 г. наблюдается уже не латентная, а явная депопуляция. Это означает, что современная российская государственность связана с деградирующей Третьей державой.

Состояние вооруженных сил

Третий наиболее яркий индикатор состояния державы – ее вооруженные силы, само предназначение которых – обеспечивать безопасность и экспансию державы. Заявления об усилении в последнее десятилетие военной мощи РФ не соответствуют действительности. Заметим, что успешность второй чеченской кампании вызвана не военными операциями, а «чеченизацией» конфликта – тем, что безуспешно попытался осуществить еще Ельцин в 1993–1994 гг. Выигрыш же войны с Грузией объясняется оставшимся еще с советских времен многократным превосходством российской армии в массовых вооружениях.

Обратимся к цифрам. Расходы на оборону в 2000–2006 гг. лишь на 11 % превышают в долларовом эквиваленте суммарные расходы за неблагоприятные с точки зрения сырьевой конъюнктуры 1993–1999 гг.: 90,13 и 80,75 млрд \$ соответственно. При этом ельцинский максимум 1994 и 1997 гг. (18 млрд \$ в год) был превзойден лишь в 2005 г.[4]

Численность вооруженных сил сократилась с 1992 по 2003 гг. с 2,75 до 1,16 млн чел. и продолжает медленно снижаться. В части техники показательна динамика количества танков: в начале 90-х гг. у СССР их было более 65 тыс., в современной России – 23 тыс., при этом в строевых частях – около 6 тыс., а в частях постоянной готовности – лишь 1–1,5 тыс. машин. На начало 2003 г. доля современных образцов вооружения и военной техники составляла, по официальной оценке, 20–30 %, в то время как в современных армиях мира этот показатель – более 70 %. Таким образом, валовые показатели количества техники и вооружений слабо отражают состояние современной российской армии и являются в основном советским наследием, уже физически и морально устаревшим.

В постсоветский период оборонно-промышленный комплекс РФ утратил множество технологий и целые поколения квалифицированных кадров. Значительной проблемой остается демотивация военнослужащих и их депрофессионализация, низкий уровень подготовки офицерского и генеральского корпуса.

На 01.01.92 г. РФ имела 6 447 ядерных зарядов, на 01.01.00 г. – 5 842, на 01.01.07 г. – 3 344 заряда, а на 01.07.09 г. – 2 683 заряда, т. е. почти в 2,5 раза меньше, чем в 1992 году. При этом если в 90-е годы настойчивое требование США ликвидировать высокоустойчивые и малозаметные (выглядят как обычный вагон-рефрижератор)

мобильные железнодорожные комплексы РТ-23 реализовано не было, то в 2000–2003 гг. все РТ-23 были уничтожены. Оставшиеся в большом количестве «Тополя» малоэффективны в условиях развитой спутниковой оптической, инфракрасной и радиолокационной разведки. При сохранении существующих тенденций (крайне низкий темп строительства новых ракет при ускоряющемся выводе старых) в течение ближайших 10 лет РВСН могут сократиться до 100–200 однозарядных межбаллистических ракет.

В сфере обычных вооружений отмечается существенное (в несколько раз) снижение объемов закупок по сравнению с периодом 1990-х годов, срыв государственных программ перевооружения и деградация содержания самих этих программ. Так, в 1992–1999 гг. войска получили 120 танков Т-90 (4 батальона) и до 30 Т-80У (1 батальон). За 2000–2007 гг. поступление танков не превысило 90 Т-90 (3 батальона). В ельцинское правление ВВС получили до 100 машин (Ту-22М3, Су-24М, Су-27, Су-30, Су-35, МиГ-29С, МиГ-31Б). За 2000–2007 гг. было закуплено всего два новых самолета Су-34 и модернизировано 30–40 Су-27 и Су-25. В 1992–1999 гг. ВМФ РФ получил около 50 боевых кораблей и катеров, заложенных еще до распада СССР, а также построены или начато строительство еще нескольких подлодок и до десятка катеров. С 2000 г. поступление новых кораблей на флот резко сократилось. Были достроены еще три единицы, заложенные до развала Советского Союза, 6 катеров и подводная лодка, заложенные в 1990-е. Единственной боевой единицей ВМФ РФ, целиком построенной после 2000 года, стал малый артиллерийский корабль. На Тихом океане самые старые из японских эсминцев являются ровесниками самых новых российских надводных кораблей.

Темп перевооружения и качественные характеристикикупаемых образцов военной техники таковы, что при сохранении существующих тенденций силы общего назначения РФ в течение ближайших 8–10 лет достигнут размеров вооруженных сил средней европейской страны, что не позволит обеспечить обороноспособность РФ, особенно в условиях параллельной деградации сил ядерного сдерживания.

Идеологическое оформление власти

Идеологию можно считать идентификационным кодом держав. Однако следует учитывать, что в период существования одной и той же державы этот код может трансформироваться – достаточно вспомнить европеизаторские реформы Петра I.

Марксистская доктрина была стержнем государственной идеологии СССР. Однако отказ от марксизма еще не свидетельствует о смене держав в Российской метакультуре.

Во-первых, переход от авторитарной идеократии к менее жесткому режиму может быть связан как со сменой держав, так и с деградацией прежней державы. Очевидно, что Третья держава на стадии деградации эволюционировала в сторону смягчения режима. Период Хрущева и Брежнева в политическом, социальном и экономическом планах был мягче, чем режим Ленина и Сталина. Режим Горбачева, Ельцина и даже Путина – в целом мягче режима Хрущева и Брежнева. Периодически может наблюдаться реакция, но тенденция в сторону смягчения режима при деградации державы в долгосрочной перспективе сохраняется.

Во-вторых, советское идеологическое наследие продолжает поддерживаться в современной РФ. Это присутствие можно разделить на две составляющих – пассивный фон и активно используемые идеологемы.

В современной России можно увидеть повсеместное присутствие советских идеологических элементов. В центре Москвы стоит Мавзолей с мумией первого лидера эпохи Третьей державы, за ним – советский некрополь, а над ними на кремлевских башнях продолжают светиться установленные Сталиным рубиновые звезды. По всей России (а также на Украине, в Белоруссии, Казахстане, Киргизии, Таджикистане) стоят памятники Ленину. Не Александру Невскому, не Минину и Пожарскому, не Филарету и Михаилу Романовым. Стоят памятники и другим деятелям советской эпохи, а в самом центре буржуазной и гламурной Москвы возвышаются статуи создателей коммунистической доктрины Маркса и Энгельса. Множество населенных пунктов, районов и улиц в РФ и в некоторых бывших республиках бывшего СССР носят имена советских политических деятелей.

Обращает на себя внимание масса деталей – по-прежнему пользуется особым статусом звание Героя России (точная калька звания Героя СССР); правоохранительная система до 2011 г. продолжала носить название «милиции» (это же название продолжает использоваться в Абхазии, Белоруссии, Приднестровье, Казахстане, Киргизии, Таджикистане, на Украине, в Южной Осетии); знаменем армии РФ является полотнище, на котором двуглавые орлы соседствуют с красными пятиконечными звездами, сохраняются и знамена советских войсковых частей, официально существует обращение «товарищ» (в том числе и к верховному главнокомандующему); продолжают выходить газеты и журналы с советскими названиями; по российскому телевидению постоянно демонстрируются старые советские фильмы с выраженным идеологическим посылом. И детали эти можно перечислять очень долго.

Ряд советских элементов присутствует в государственной идеологии РФ не пассивно, а активно. При Путине в нескольких городах появились бюсты Сталина и рельефы с его профилем. В 1999 г. на здании КГБ на Лубянке восстановили мемориальную доску Андропова. В 2004 г. в подмосковном городе Дзержинский был открыт трехметровый памятник основателю советской карательной системы. В городах РФ уже в новом тысячелетии стали появляться памятники советским лидерам эпохи застоя. Так, в Новороссийске был открыт памятник Брежневу, а в Петрозаводске – Андропову (оба – в 2004 г.).

Остановимся на двух идеологических моментах, которые представляются наиболее интересными и выразительными – на государственном гимне и официальных праздниках.

Гимн является чем-то вроде светской молитвы господствующей политической системе. В конце 1990 г. гимном России становится «Патриотическая песнь» Глинки, десять лет остававшаяся бессловесной. Но уже в 2000 г. в качестве государственного возвращается гимн СССР, в основе музыки которого – мелодия «Гимна партии большевиков». Инициатором превращения в 1943 г. партийного гимна в государственный был Сталин. Он же выбрал итоговую музыкальную аранжировку и был главным редактором текста. Отсутствие в гимне РФ имени Сталина и упоминаний о партии и коммунизме не меняет его сути. Показательно, что для написания нового текста гимна российская власть выбрала все того же Михалкова, одного из авторов советского гимна и в сталинскую, и в брежневскую эпохи.

В новой России стали возникать и гимны регионов. Особенно показательна история с гимном Москвы. Им стала написанная при Сталине советская военная песня «Дорогая моя столица, золотая моя Москва». В ней с хрущевских времен отсутствует последний куплет, завершающий восхваление красной столицы: «Здравствуй, город великой державы, // Где любимый наш Сталин живет!»

Теперь обратим внимание на российские официальные праздники.

Праздник – это событие, выходящее за пределы обычного порядка жизни. В общем праздновании, даже в самом поздравлении с праздником, происходит духовное единение людей и их обращение к высшим ценностям и смыслам, надстоящим над ходом обыденного времени.

В поздний советский период было два главных государственных праздника – День Октябрьской революции и (с 1965 г.) День Победы. Третья держава отмечала свое утверждение и свое главное военно-политическое достижение. После отказа от коммунистической идеологии день Октябрьского переворота перестал быть главным государственным праздником, однако оставался красным днем календаря до 2004 г., получив название «День примирения и согласия». С 2005 г. он был заменен на «День народного единства» 4 ноября. Власть и общество не пожелали или оказались неспособны отстраниться от «ноябрьских праздников». При этом день 7 Ноября был сохранен как «памятная дата» (таких дат в календаре всего пять, и только эта связана с крупным политическим событием), и ему было возвращено первоначальное значение – «День Октябрьской революции». Более того, 7 ноября на Красной площади продолжают проводиться военные парады.

Главным государственным праздником РФ и большей части ее населения по-прежнему остается День Победы 9 мая – триумф сталинского СССР, праздник государства, которое уже перестало существовать. Превращая День Победы в главный государственный праздник РФ, ее политическая элита продемонстрировала свою духовную политическую преемственность от советского строя. Начало превращения «Победы» в главный российский праздник относится к 1995 г. и проходило на фоне поражений российской армии в Чечне, только что закончившегося в 1994 г. вывода российских войск из Германии и стран Прибалтики. Эти события, отражавшие униженное состояние российской государственности, только ускорили востребование советских символов. При Путине культ событий 1941–45 гг. становится главной темой в исторической части государственной идеологии РФ.

Если судить по первым годам Советской России, можно сделать вывод, что **после смены держав у новой, только что утвердившейся державы, насыщенной новыми яркими идеологическими образами и находящейся на стадии эскалации, не возникает надобности в положительном идеологическом использовании великих военно-политических побед предыдущей, ниспровергнутой ею державы.** Ни Ленин, ни Сталин не превращали победы Ивана Грозного или Александра I над внешним врагом, знаменовавшие апогей могущества прежних держав, в главный советский праздник. До конца 30-х годов отношение большевиков к главному военно-политическому триумфу романовской России – войне 1812 г. – было даже враждебным. Если бы в 90-е г. произошла смена держав, то новая, набирающая мощь держава не стала бы превращать триумф предыдущей в главный объект своего почитания.

Особое место в РФ занимают еще два праздника, связанных с советской государственностью. При Путине становится выходным днем 23 Февраля. Заметим, что в качестве «Дня защитника Отечества» можно было взять день, связанный с военно-организационной деятельностью Петра I. Но лидеры РФ, конечно же, предпочли советскую традицию. Продолжается празднование дня основания ВЧК 20 декабря. Еще

в 1995 г. указом президента Ельцина этот день был объявлен «Днем работников органов безопасности». Он вряд ли может быть отнесен к рядовым профессиональным праздникам типа Дня пожарника или мелиоратора – это День чекистов, стоявших на страже советской системы с 1917 г.

Получили ли статус государственных праздников даты, связанные с новейшими историческими событиями, потрясшими Россию в 90-е годы? Ведь в прошлом после смены держав каждая новая стремилась всячески подчеркнуть положительную значимость переломных исторических событий, обеспечивших ее господство. Для Романовых это были вступление в Москву в 1612 г. народного ополчения Минина и Пожарского и день коронации Михаила, для большевиков – Октябрьская революция. Что же мы видим в случае с августом 1991 года? В РФ если он и не предан политической анафеме, то, по крайней мере, игнорируется государственной властью и большей частью населения. 22 августа объявлено «Днем государственного флага». Но этот день не стал в РФ нерабочим и даже не был включен в число памятных дат (зато такой датой стало 7 Ноября). Более того, в официальном президентском послании Федеральному Собранию в 2005 г. крушение Советского Союза (прямое следствие августа 1991 г.) было названо «главной геополитической катастрофой XX века».

Наряду с советским наследием в современной РФ осваивается и традиционная российская символика, частично возрождается историческая топонимика. Однако востребование государством старинных символов (в случае РФ – герба, флага и прочих менее важных элементов) еще не свидетельствует о смене держав. Но даже если предположить, что в начале 90-х гг. утвердилась новая держава, сам факт ее обращения к древним государственным символам является дополнительным аргументом в пользу их политической универсальности, а значит, и возможности их использования любой державой, в том числе и Третьей.

Современная эклектическая идеология РФ, соединяющая в себе советские и традиционные исторические элементы российской государственности, может рассматриваться как прямое продолжение эволюции государственнической доктрины Третьей державы. Во второй половине правления Сталина, особенно во время и после войны 1941–45 гг., советская государственная доктрина была дополнена элементами старой русской государственности (национальная риторика, дореволюционные воинские звания, ордена русских военачальников, введение министерств вместо комиссариатов, послабление РПЦ и т. д.).

После 1991 г. изменилась политическая роль РПЦ МП. Однако и здесь мы можем проследить преемственность с советской эпохой. Современная РПЦ была создана в 1927 г. советским режимом с нарушением канонических правил и использовалась им в своих целях, как, например, в момент острейшего кризиса в 1941 г. При Брежневе отношение государства к церкви было относительно терпимым, а РПЦ превратилась в одного из коллективных «борцов за мир», деятельность которого санкционировалась партаппаратом. Высший клир при Сталине, Хрущеве и Брежневе был укомплектован штатными сотрудниками КГБ (заметим, что сегодня многие из них продолжают свое служение). При Горбачеве отношения государства и церкви стали приобретать новое качество. В 1988 г. тысячелетие крещения Руси отмечалось уже при участии этого государства. После 1991 г. РПЦ МП повысила свой политический статус, превратившись из прислужника государства, попускающего его существование, в его зависимого союзника. Сегодня патриарх награждает церковными орденами чекистов, а в лужковском храме Христа Спасителя, в сентябре 2007 г. торжественно отмечается 60-летие российского (!) ядерного оружия. Его покровителем объявлен святой Серафим Саровский, чья обитель была превращена при Сталине в Арзамас-16.

Сам факт идеологических заимствований или даже идеологической преемственности между режимами еще не свидетельствует о том, что перед нами – одна и та же держава. Важно обратить внимание не только на наличие или отсутствие элементов советской идеологии в политической системе РФ, но и на характер этого присутствия.

В современной РФ мы можем наблюдать идеологическую половинчатость и невнятность державной системы. Осуждения преступлений советского режима не произошло. Единственная попытка такого рода закончилась полным фиаско – суд над КПСС, организованный при Ельцине, превратился в фарс.

Ныне существующая держава не может вернуться к советской идеологии, но и не в силах от нее полностью отказаться. Ее элементы, с одной стороны, занимают весомую часть пространства РФ, а с другой – все же относятся к ушедшей эпохе и не претендуют на роль развивающейся идеологии.

В результате можно наблюдать странное сосуществование памятников первого вождя пролетарской революции и многомиллиардных состояний олигархов; трехцветного знамени, под которым воевала армия Власова, и празднования сталинской Победы; красных звезд над Кремлем и коронованных двуглавых орлов; комплиментов «эффективному менеджеру» Сталину и рассуждений о благах демократии.

Значительная часть населения России до сих пор не имеет отчетливых чувств по отношению к Российской Федерации. По данным Левада-Центра в 1994 г. так или иначе («постоянно» и «иногда») чувствовали себя советскими людьми 58 % россиян, причем 30 % опрошенных осознавали себя советскими людьми «с гордостью».[5] В 2000 г. 45 % респондентов лучшей из политических моделей назвали советскую.[6]

Российское общество и сформировавшаяся на его основе элита слишком во многом остались советскими, потому что смены держав не произошло. Или же можно сказать наоборот: смены держав не произошло, потому что общество и политическая элита остались советскими. Отречение от советского тоталитарного наследия еще не означало бы, что в Российской метакультуре произошла смена держав или, тем более, что прекратил свое существование сам кластер российского великодержавия. Но то, что этого до сих пор не произошло, означает, что в настоящее время деградирующая Третья держава продолжает оказывать воздействие на российскую государственность.

Политическая элита и стиль ее правления

Обе смены российских держав (в XVII и XX вв.) сопровождались знаковым событием – гибелью последнего верховного лидера государства, связанного со старой державой: Василий Шуйский и его брат погибли в польском плену осенью 1612 г., Николай II и его семья были расстреляны в Екатеринбурге в июле 1918 г.

Что же происходило с последним лидером СССР после августа 1991 г.? В декабре 1991 г. Горбачев ушел с поста Президента СССР, подписал указ о собственной отставке и, передав Ельцину «ядерный чемоданчик», стал главой фонда своего имени (представьте, что в 1920-е гг. недалеко от Кремля работает «Романов-фонд» во главе с Николаем II).

Особенно важно, что **в 1991 г. не произошло смены системообразующих политических элит и аппаратов управления.**

У власти оказалась отчасти новая генерация, отчасти другая ветвь старой номенклатуры – партийные и хозяйственные функционеры, десятилетиями делавшие карьеру в Третьей державе. Причем это касается всех уровней государственного аппарата – от глав администраций сельских районов до высших государственных лидеров. На высшем уровне эту преемственность (и иерархическую, и историческую) обеспечивала фигура самого Ельцина, бывшего первого секретаря Свердловского обкома, ставшего в 1987 г. первым секретарем МКК и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. На среднем уровне, т. е. во главе регионов, оказалось множество бывших первых партийных секретарей, принявших режим Ельцина.

Остались в политике многие видные лидеры СССР, сохранившие приверженность советской идеологии. А. Лукьянов (Председатель Верховного Совета СССР в 1990–91 гг.), поддержавший августовский путч, и Н. Рыжков (Председатель Совета министров СССР в 1985–91 гг.) в декабре 1993 г. стали депутатами Государственной Думы от КПРФ (Рыжков с 2003 г. – член Совета Федерации). В 1994 г. Дума объявила амнистию всем участникам событий 1991 и 1993 гг., а генерал Варенников, отказавшийся от думской амнистии, был полностью оправдан Президиумом Верховного суда РФ. Один из лидеров ГКЧП В. Стародубцев вскоре стал губернатором Тульской области. В 2004 г. президент Путин наградил Варенникова и другого бывшего участника ГКЧП Язова (в прошлом – советского министра обороны) орденом Почета.

Весьма показательна карьера Е. Примакова, который в 1989–90 гг. был Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР, в 1990–91 гг. – членом Президентского Совета СССР, с сентября 1991 г. – руководителем Первого главного управления КГБ СССР, а затем Центральной службы разведки СССР. Сразу после упразднения Советского Союза он становится первым директором Службы внешней разведки РСФСР-РФ и занимает эту должность до 1996 г. Впоследствии Примаков был министром иностранных дел РФ, а в 1998–99 гг. – главой российского правительства.

Одной из системообразующих партий современной России является КПРФ – продолжение, а точнее – осколок КПСС. Не выступая с революционных по отношению к правящему режиму позиций, она являлась крупнейшей думской партией ельцинского периода. КПРФ оставалась поставщиком кадров для государственной машины. Спикеры Государственной Думы (в 1993–2002 гг.), десятки губернаторов и министры были членами этой партии.

В свою очередь «либеральные реформаторы» 1991–99 гг. по своей сути оказались марксистами, считающими экономику самой главной основой жизни общества. Не понимая или не желая понять, что сущность государства осталась прежней, они пытались реформировать старую систему, созданную Лениным и Сталиным для совершенно иных целей. Реформаторы хотели в России совместить советский партийно-хозяйственный аппарат и экономический либерализм. Эта попытка привела к всепроникающей коррупции, к криминализации государства и общества, к созданию страты «олигархов», исполняющих функции государственных капиталистов, зависящих от существующего режима и потому поддерживающих его. При этом почти ничего не было сделано для создания институтов гражданского общества.

Для нашего исследования особое значение имеет имидж первого главы государства, связанного с только что утвердившейся державой. На стадии ее эскалации политической элите удавалось создавать (а массам воспринять) харизматический образ первого правителя (Александра Невского, Михаила и Филарета Романовых, Ленина). Причем после ухода таких политиков с политической сцены их популярность только возрастала – пока соответствующая держава находилась на стадии эскалации. Ельцин же после прихода к власти стал стремительно утрачивать популярность. Через

несколько лет после триумфа 1991 г. и установления своего единовластия в 1993 г. рейтинг Ельцина резко снизился, и для его переизбрания в 1996 г. понадобилась лихорадочная предвыборная кампания с промыванием мозгов и умелым подсчетом голосов. Такого падения популярности в истории России не знал ни один из первых проводников воли новых, только что утвердившихся держав. Но победивший Ельцин представлял собой жалкое зрелище. Больной и уставший, он продолжал вести РФ к новым экономическим кризисам, подготавливая неминуемую политическую реакцию – новый постсоветский застой.

Преемником Ельцина на посту президента стал представитель спецслужб, начинавший свою карьеру в Пятом управлении КГБ, которое охраняло советский строй и занималось инакомыслящими. Примечательно, что другие потенциальные преемники 1998–99 гг. – Примаков и Степашин, – как и Путин, были выходцами из спецслужб. Вероятно, перехват спецслужбами рычагов государственного управления был к тому времени уже predetermined событием.

В 80-е гг. Путин не принадлежал к высшим слоям советской номенклатуры. Но ротация кадров – это неизбежный и естественный процесс, который был лишь ускорен демократической революцией 1989–91 гг. Политическая элита пополнилась тогда новыми кадрами из демократического движения и государственного аппарата – «перестроившегося» партхозактива, комсомольских вожakov и, конечно же, представителей спецслужб. И Путин сделал карьеру в уже новых условиях – в период губернаторства А. Собчака в Петербурге. Этот союз демократа и чекиста стал олицетворением нового политического консенсуса, позволившего державе пережить болезненную трансформацию рубежа 80–90-х гг.

Если компартия обеспечивала идеологическое наполнение режима, то органы ЧК-КГБ являлись его грозным стражем. Долгое время Третья держава существовала благодаря симбиозу компартии и госбезопасности. А. Авторханов в книге «Сталин у власти» отмечал, что в СССР «...за всех думает, действует и диктует одна абсолютная сила. Имя этой силы – НКВД-МВД-МГБ. Сталинский режим держится не организацией Советов, не идеалами партии, не властью Политбюро, не личностью Сталина, а организацией и техникой советской политической полиции, в которой самому Сталину принадлежит роль первого полицейского». По мнению Авторханова, в СССР подлинно властвующей силой являлся «универсальный чекизм».

В Третьей державе после смерти Сталина две ее структуры – партийный аппарат и госбезопасность – периодически вступали в соперничество. До 1982 г. некоторые функционеры державы, сделавшие карьеру в «органах» и пытавшиеся прийти к вершине власти, терпели поражение (Берия, Шелепин, Семичастный). Но затем государственная власть оказалась в руках представителя клана госбезопасности – Андропова, сохранившего тогда баланс сил между партаппаратом и своим ведомством.

Крушение советского режима не привело к ликвидации службы «безопасности». Примечательно, что само ФСБ официально позиционирует себя как прямое продолжение ЧК – ОГПУ – НКВД, ведя свою историю от 1917 г., а в списке своих руководителей прошлых времен называя Дзержинского, Ежова и Берия. В РФ в 90-е гг. так и не была проведена люстрация. Избавившись от косного партийного курирования, госбезопасность в условиях «дикого» капитализма конвертировала часть своего политического могущества в бизнес – а затем вернулась во власть.

Итоги

В событиях Августа 1991 г., Февраля 1917 г. и 1612–13 гг. прослеживаются общие черты. Однако заметные во всех трех случаях проявления предельного ослабления державы получили разное разрешение. Если в 1612–13 и в 1917–18 гг. ослабевшая держава погибла, уступив место новой, то в 1991 г. гибели державы не произошло и ее деградация продолжилась. На это указывают: отсутствие территориального восстановления, переход от латентной к явной депопуляции населения, нарастающая деградация вооруженных сил и ВПК, сохранение советского идеологического наследия, отсутствие внятной государственной доктрины, сохранение советской политической элиты и стиля ее правления. Дополнительным признаком отсутствия смены держав является то, что на рубеже 80–90-х гг. не произошло гибели лидера государства, не было гражданской войны и интервенции.

События 1991 г. (утрата Коммунистической партией монополии на власть, отказ республик бывшего СССР от марксистской идеологии, а также упразднение СССР) не означают, что Третья держава прекратила тогда свое существование. Советское государство и Коммунистическая партия были связаны с Третьей державой, но не тождественны ей. Коммунистическая партия имела собственные институты, традиции и эмоциональное сопровождение. Даже если предположить, что в начале 90-х произошла смена держав, существование КПРФ показывает, что Коммунистическая партия в России может существовать отдельно от Третьей державы. Распад СССР не свидетельствует о гибели Третьей державы, так как СССР возник в 1922 г., а первым и основным государством, связанным с Третьей державой, была РСФСР, образованная 7 ноября 1917 г. в день Октябрьского переворота.

Мирная демократическая революция 1989–91 гг. привела к консолидации российской политической нации. Знаковыми событиями в этом процессе стали свободные выборы в

Верховный Совет РСФСР в начале 1990 г., принятие Декларации о государственном суверенитете РСФСР 12 июня 1990 г., общенациональные выборы первого президента РСФСР 12 июня 1991 г. **Таким образом, современная Россия является прямым продолжением России Советской.**

Переоформление российского национального государства не означает ни того, что оно связано с новой державой, ни того, что в 1990-е гг. произошла смена держав. Российское национальное государство может существовать как в связи с той или иной державой, так и без этой связи.

До 1989 г. Третья держава контролировала и использовала такие образования как СССР и ряд государств Восточной Европы. Крушение советской системы привело к тому, что территория, подвластная Третьей державе, как бы съежилась. После 1991 г. роль СССР для нее стало исполнять российское национальное государство – РФ, которое (как и СССР) включает в себя несколько национальных автономных образований. СНГ и сопутствующие ему структуры в рамках договоров ЕврАзЭС и ОДКБ можно считать эрзацем Варшавского договора и СЭВ.

Если до 1991 г. партнером и инструментом Третьей державы выступала КПСС, то после 1991 г. на ее месте возник целый ряд менее влиятельных партий (включая КПРФ и сменяющие друг друга эфемерные «партии власти»), которые одновременно являются инструментами Третьей державы и структурными элементами российского национального государства.

События Августа 1991 г. во многом созвучны Февралю 1917 г. Но в истории последних десятилетий не произошло ни Октября 1917 г., ни 17 июля 1918 г. Более того, острый демографический кризис в России, вероятно, делает уже невозможной смену держав. С окончательным завершением цикла Третьей державы можно ожидать скорее гибели всего российского державного кластера, нежели утверждения Четвертой державы.

В настоящее время деградирующая Третья держава находится в относительно устойчивом состоянии. Режим РФ не только напоминает период брежневского застоя, но и фактически является его повторением в новых исторических и политических условиях. Только на этот раз Третья держава находится в более ущербном виде, чем в предыдущий период. И новый, путинский застой является всего лишь флуктуацией на стадии деградации Третьей державы и неизбежно сменится новой «Перестройкой».

[1] У Д. Андреева «метакультура» – это многомерная метафизическая и метаисторическая реальность, находящая свое проявление в истории и географии. Развитие метакультуры представляет собой значительно более сложный процесс, чем те линейные модели, которые представлены в цивилизационных концепциях Данилевского, Шпенглера, Л. Гумилева. В нашей работе мы будем использовать термин «метакультура» как аналог «цивилизации», понимаемой как историко-культурная общность, обладающая неповторимым своеобразием и особой миссией. При этом метакультуры в истории не изолированы друг от друга, границы между ними во времени и пространстве весьма условны. Они все находятся во взаимодействии друг с другом и составляют единую человеческую цивилизацию.

[2] Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). – М., 1973. С. 26; История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. – М., 1993. С. 17; Копанев А. И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. 1959. Т. 64. С. 237–244.

[3] История Европы. Т. 4. – М., 1994. С. 272.

[4] 1993 г. – 3,34 млрд \$, 1994 г. – 18,43; 1995 г. – 13,04; 1996 г. – 15,65; 1997 г. – 18,03; 1998 г. – 8,42; 1999 г. – 3,84; 2000 г. – 5,08; 2001 г. – 7,5; 2002 г. – 9,01; 2003 г. – 11,27; 2004 г. – 14,36; 2005 г. – 19,17; 2006 г. – 23,74 (по Храмухин А. На повестке дня – создание новой армии // Независимое военное обозрение от 08.02.08 г.).

[5] Левада Ю. Человек в поисках идентичности: проблема социальных критериев [1997] // Он же. От мнений к пониманию. М., 2000, с. 422–437.

http://www.polit.ru/research/2005/04/14/neighbours.html#_ftn1

[6] http://www.polit.ru/research/2005/04/14/neighbours.html#_ftn1

[Обсудить статью на форуме](#)

[Предыдущая статья](#) :: [Оглавление](#) :: [Следующая статья](#)